

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и графъ Петръ Александровичъ Валуевъ въ ихъ перепискѣ.

(1863—1879 г.г.).

IV¹⁾.

Аптекарскаго острова 17/V 1863.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Я только вчера, вечеромъ, получилъ ваше письмо, отъ 12-го, и спѣшу отвѣтить. Передамъ письмо князю Мещерскому, который завтра ѣдетъ въ Москву и обѣщаль за нимъ завернуть ко мнѣ сегодня, вечеромъ. На сей разъ я большею частію согласенъ съ Вашими премиссами, но не могу согласиться съ окончательнымъ выводомъ. Вы правы, говоря, что послабленіе не есть реформа, а распущенность власти не есть улучшеніе, что нужно здоровое и разумное проявленіе сильной власти, что правительство должно оберегать общество и государство отъ преступныхъ попытокъ агитаторовъ, для которыхъ всѣ средства пригодны и что не должно давать простора панической тревогѣ, якобы обуявшей Смоленскъ и уже проникающей въ Москву. Все это такъ, и что могу, то дѣлаю въ этомъ смыслѣ и направленіи. Нѣкоторыя мѣры приняты, другія примутся и я, на дняхъ, сообщу о нихъ подробнѣе. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было учреждать городскую стражу на военный ладъ и, слѣдовательно, не слѣдуетъ, чтобы мнѣ *теперь же* нужно было побывать въ Москвѣ. Жаль, что мысль о со-

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1915 г.

дѣйствию гражданъ, мысль вѣрная и патриотическая, вылилась въ формѣ „garde nationale ¹⁾“, а не въ формѣ „special constables ²⁾“. У насъ нельзя учреждать ничего похожаго на garde nationale или даже garde urbaine civique ³⁾. Не говоря о другихъ неудобствахъ и препятствіяхъ, уже потому нельзя, что въ Россіи есть города, гдѣ по господствующему элементу населенія, подобное учрежденіе невозможно, а это учрежденіе не можетъ быть временнымъ. Его организація сложная, а сложныхъ организмовъ нельзя создавать pro causa ⁴⁾. Въ Англіи во время шартистскихъ смуть, тотчасъ дали дѣлу другой оборотъ. Спеціальныя констебли подчинились уже существующей организаціи и влили въ нее свою силу, а не стали особнякомъ. Не признаете ли вы удобнымъ помѣстить объ нихъ двѣ, три статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Время есть. *Его немного, но есть.* Въ Смоленскѣ была фальшивая тревога. Вдоль Волги на дняхъ должны огласиться результаты принятыхъ мѣръ. Въ столицахъ ихъ должны принять. Молчаніе о лжеманифестѣ будетъ прервано въ Сѣверной почтѣ ⁵⁾ завтра же, если не встрѣтится неожиданнаго возраженія со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ. Имѣете ли вы экземпляръ лжеманифеста и т. п., золотыхъ грамотъ, распространяемыхъ въ Юго-Западномъ Краѣ? Если нѣтъ, я могу прислать вамъ по 1 экземпляру. Нѣсколько частныхъ о дѣлахъ западныхъ передасть вамъ князь Мещерскій.

Истинно преданный Валуевъ.

V.

С.П.Б. 4/VI 1863.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Письмо ваше отъ вчерашняго числа мною получено и, признаюсь, меня не мало огорчило. Можно расходиться во взглядахъ, мнѣніи, оцѣнкѣ фактовъ, но однако же не до того, чтобы быть несправедливымъ! Я нисколько на васъ не сѣтую, но повторяю, это меня огорчаетъ. Если я не писалъ къ вамъ прямо,

¹⁾ Национальной гвардіи.

²⁾ Полицейскихъ спеціальнаго назначенія.

³⁾ Городской гражданской стражей.

⁴⁾ На данный случай.

⁵⁾ Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

то отчасти по недосугу, отчасти по тому, что вы сами какъ-то выразили желаніе не получать отъ меня писемъ по почтѣ. Я вовсе не посылалъ вамъ предостереженій *черезъ цензуру*, а въ частномъ письмѣ къ Щербинину ¹⁾ на французскомъ языкѣ, призвалъ ваши патріотическія чувства на помощь противъ такой критики дѣйствій министерства финансовъ ²⁾, которую въ настоящее время считалъ, вмѣстѣ съ многими другими, опасною для нашего кредита. Кажется, что въ этомъ нѣтъ ничего канцелярски оффиціального. Я писалъ къ М. П. Щербинину о необходимости съ разборчивостію пропускать въ печать финансовыя статьи вообще, но никогда я не выражалъ желанія „сохранить надъ вами строй и бдительный надзоръ цензуры“. Вы очень хорошо знаете, что ваше независимое, но благородно-полезное направленіе одинаково признается публикою и правительствомъ, но доколѣ есть цензура, нельзя же съ нею никогда не встрѣчаться. Положимъ даже, что при той, или другой встрѣчѣ—вы правы,—нельзя же требовать отъ цензуры всегда инстанцій безусловнаго подчиненія. Безъ взаимной сговорчивости, трудно сговариваться. Не думаю, чтобы М. П. Щербининъ не былъ искренно расположенъ давать вашимъ изданіямъ наибольшій, до послѣднихъ предѣловъ возможности, просторъ рѣчи. Но могутъ же быть исключенія. Вы ставите вопросъ въ крутой формѣ *tout ou rien* ³⁾ и затѣмъ говорите, что если вашъ образъ мыслей и дѣйствій признается „вреднымъ“ (*sic*), то вы готовы прекратить дѣятельность и т. д.—Что прикажете отвѣчать на это? Можете ли вы подумать, что кто-нибудь признаетъ вашу дѣятельность вредной! Между идеаломъ и дѣйствительностью,—большое различіе. Вы смотрите на дѣятельность высшихъ административныхъ инстанцій съ нѣскольکو идеальной точки зрѣнія. Быть можетъ, если бы я могъ стать на ту же точку, кое-что было бы иначе. Но если я на нее не становлюсь, то, видно, нельзя. Или вы думаете, что атмосфера канцелярій и департаментовъ такъ плѣнительна и разобщенный трудъ такъ сладокъ?—Вы говорите о моей поѣздкѣ въ Москву и т. п. Вы предполагаете гармонию, которой я желалъ, но которой еще нѣтъ. Почему, напри-

¹⁾ Щербининъ, сенаторъ, предсѣдатель Московскаго цензурнаго комитета, а затѣмъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

²⁾ Катковъ возставалъ въ своихъ статьяхъ противъ обильнаго безъ обезпеченія размѣномъ на золото -- выпуска кредитныхъ билетовъ для покрытія дефицитовъ по бюджету.

³⁾ Все, или ничего.

мѣръ, главный начальникъ „бѣлокаменной“, возвратясь отсюда, сообщилъ нѣчто о городской стражѣ, но здѣсь не сказалъ о ней ни слова? Почему роль министра внутреннихъ дѣлъ, въ трудныя времена, еще болѣе затрудняется тѣмъ, что генералъ-губернаторъ ¹⁾ въ эполетахъ не охотно соприкасается съ министромъ безъ эполетъ. *A bon entendeur salut* ²⁾. Вы, быть можетъ, спросите, почему если я не все могу, что хочу, то не передаю дѣла въ руки могущаго? Видно, этого какъ-то нельзя. Повѣрьте, намъ всѣмъ теперь нужно: стать и стоять дружно вокругъ Государя. Будущее въ рукахъ Божіихъ. Оно можетъ быть и прекраснымъ и славнымъ. Но для сего нужно, чтобы наше терпѣніе не оскудѣвало. Добрыя силы не должны разъединяться. Такъ и у насъ теперь. Не знаю, зачѣмъ чиновники разъѣзжаютъ для охлажденія патріотическаго порыва.—Отсюда онъ не получилъ свѣше охладительнаго приѣма. Прошу вѣрить неизмѣннымъ чувствамъ моего совершеннаго почтенія и преданности.

Валуевъ.

VI.

Аптекарскаго острова 29 VII 1863.

Многоуважаемый М. Н., весьма обязанъ вамъ за письмо, врученное княземъ Шаликовымъ ³⁾. Съ искренней благодарностью принимаю ваше предложеніе, которое, въ сущности, не ваше, а мое собственное, мной вамъ давно сдѣланное, но тогда вами не принятое, или оставленное безъ послѣдствій ⁴⁾. Я былъ и есть того мнѣнія, что обмѣниваться почаще мыслями съ вами было бы дѣломъ на обѣ стороны полезнымъ. Не знаю, почему вы между скобками выражаете нѣкоторое сомнѣніе на счетъ моего „добраго расположенія“. Я пережилъ эру измѣнчивости взглядовъ и оцѣнокъ. Теперь къ вамъ льнутъ многіе, и весьма справедливо и искренно: но между ними я *ni du jour ou du lendemain, mais de la veille* ⁵⁾. Скажу я здѣсь, что я не всегда и не совсѣмъ съ вами соглашаюсь, но иначе и быть не можетъ! Та линія, которая въ динамикѣ, или пожалуй въ артиллеріи,

¹⁾ Офросимовъ, генералъ-отъ-инфантеріи, преемникъ генералъ-адъютанта Тучкова.

²⁾ Въ ожиданіи лучшаго склоняются.

³⁾ Братъ супруги М. Н. Каткова.

⁴⁾ Смотри письмо Валуева отъ 29 марта 1863 года.

⁵⁾ Другъ не сегодняшній, не завтрашній, а бодрствующій.

что теперь болѣе кстати, называется „директрисой“, у насъ общая; но полеты снарядовъ болѣе или менѣе уклоняются вправо или влѣво, хотя и направлены къ одной цѣли. Такъ и было въ отношеніи вашей статьи о Южной линіи желѣзной дороги ¹⁾. Я былъ вынужденъ запретить ея перепечатываніе и замѣтить Московской цензурѣ, что ея не слѣдовало пропускать. Но и вы тутъ не вполнѣ неправы, потому что вовлечены были въ разныя погрѣшности ошибочными свѣдѣніями. Если бы вамъ пришло на мысль спросить меня, то я давно сообщилъ бы вамъ нужныя данныя. Миѣ и въ голову не приходило, что компетентныя вѣдомства о семъ не позаботились. Сдѣлайте милость, не вѣрьте тому, что вамъ передается въ большей части случаевъ. Дѣло рассмотрѣно въ Совѣтѣ 11-го, слѣдовательно, не можетъ разсматриваться 30-го. Оно завершено. Секрета никакого не было и англичанами не испрашивалось. Дѣло ведено, какъ ведутся дѣла по главному управленію путей сообщенія издавна, но только менѣе непріятно и придирчиво, чѣмъ при Чевкинѣ ²⁾, даже вовсе безъ придирокъ. Линія предлагалась нѣсколько разъ; но предпріятіе столь значительное, что не находилось надежныхъ съемщиковъ. Они нашлись неожиданно. Спѣшили не для того, чтобы помѣшать войнѣ масляничной вѣткой, а чтобы война не помѣшала дѣлу. Направленіе на Севастополь вовсе не идея англичанъ, но условіе, поставленное правительствомъ заранѣе, слишкомъ полгода тому назадъ. Севастополь не отдается въ руки компаніи, а ей отдается только часть Севастополя. Подробности будутъ на дняхъ опубликованы. Ваша статья потому меня и огорчила, что она явилась *post factum*. Впрочемъ я, вообще, убѣжденъ, что концессию надлежало дать; но объ этомъ можно имѣть разныя мнѣнія и въ особенностн можно ихъ было имѣть до завершения дѣла. Теперь критика имѣетъ другое значеніе и другія послѣдствія. Я возвращусь въ другой разъ къ этому вопросу и тогда же коснусь и земскихъ учрежденій. Теперь не могу. Скажу вамъ только конфиденціально, что я упорно отстаиваю, въ настоящую минуту, недопущеніе обязательнаго выкупа въ предѣлѣ Великорусскаго Положенія 19-го февраля. Здѣсь непремѣнно хотятъ ввести этотъ выкупъ въ губ. Могилевской и Витебской,

¹⁾ Катковъ помѣстилъ рядъ статей въ „Моск. Вѣд.“ 1863 г., въ которыхъ ратовалъ за направленіе Южной дороги изъ Москвы черезъ Кіевъ на Одессу (см. „Моск. Вѣд.“ 1863 г. №№ 163, 158, 173, 261 и др.).

²⁾ Ник. В. Чевкинъ предсѣдатель департ. госуд. экономіи.

къ чему я не усматриваю основанія ¹⁾). Прошу васъ вѣрить чувствамъ моего совершеннаго почтенія и искренней преданности.

Валуевъ.

VII.

Аптекарскай Островъ. 15/VIII 1863.

Многоуважаемый М. Н., я прошу Предсѣдателя Московскаго цензурнаго комитета ²⁾ обратить ваше благонамѣренное вниманіе на неудобства, сопряженныя съ печатаніемъ нѣкоторыхъ изъ вашихъ корреспонденцій изъ губерній; но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю не лишнимъ обратиться съ той же просьбою непосредственно къ вамъ. Вы, конечно, не желаете быть распространителемъ свѣдѣній невѣрныхъ, не основательныхъ, возбуждающихъ неудовольствіе и недовѣріе тамъ, гдѣ не подано повода ни къ тому, ни къ другому. Вотъ почему я прошу васъ не довѣрять безусловно вашимъ корреспондентамъ и повторяю предложеніе сообщать вамъ свѣдѣнія точныя и благонадежныя, когда вы о чемъ-либо меня спросите. Такимъ образомъ, вамъ писано изъ Саратова, что туда послано 300 поляковъ на житье, между тѣмъ какъ въ Саратовскую губернію, кромѣ Браницкаго, который уже выѣхалъ, отправлено только 2. Тамъ же недоброхотный намекъ на Р. К. Консисторію. Между тѣмъ какъ Саратовскій Епископъ Канъ (венгерецъ), одинъ вполне благонадежный между правительственными Р. К. Епископами и въ Саратовѣ исключительно предстоить возможность устроить рассадникъ латинскаго духовенства не польскаго происхожденія, о чемъ я давно забочусь и чему вы сочувствуете. Такъ точно писали вамъ и изъ Тулы разныя извѣстія, противъ которыхъ официально протестовалъ губернаторъ: о побѣгахъ солдатъ, грабежахъ и пр. вамъ вѣдомо, что вы пользуетесь огромнымъ авторитетомъ и, конечно, имъ воспользуетесь вполне заслуженно, но тѣмъ необходимѣе, чтобы вы не довѣряли многому, что до васъ доходитъ. Я, по опыту, знаю, что большая часть того, что у насъ говорится и пишется, не соотвѣтствуетъ, а противо-

¹⁾ См. письмо М. Н. Муравьева Валуеву съ просьбой поддержать представленіе Муравьева о распространеніи указа 1 марта 1863 г. („Русск. Стар.“ январь 1883 стр. 144 и др.); закономъ 2 ноября 1864 г. указъ 1 марта 1863 г. былъ распространенъ и на Могилевскую и Витебскую губерніи.

²⁾ Сенаторъ Щербининъ.

рѣчить истинѣ. И здѣсь привожу примѣръ: вы, конечно, слышали, что генералу Муравьеву противодѣйствуетъ военный министр¹⁾, князь Долгоруковъ²⁾ и³⁾ я, и что генералъ Муравьевъ, вслѣдствіе этого противодѣйствія, даже собирается уходить. Между тѣмъ генералъ Муравьевъ, дѣйствительно, проситъ скорѣе увольненія, но я стараюсь его задержать, а онъ проситъ онаго, потому что онъ умѣнъ, и знаетъ, что уже сдѣлалъ главное и блистательное и потому, что дѣйствительно здоровье его уже не желѣзное и онъ работаетъ однимъ глазомъ 17 часовъ въ сутки. Что же касается до противодѣйствія, то его нѣтъ нигдѣ⁴⁾. Генералу Муравьеву дано и дается все, что потребуетъ—люди, деньги, утвержденіе всѣхъ его предположеній, права назначать и смѣнять начальниковъ губерній и войскъ по его усмотрѣнію. Князь Баратинскій на Кавказѣ не пользовался подобнымъ полномасшіемъ. Правда, что онъ тяжелъ, какъ всѣ Муравьевы, и что до выѣзда изъ Петербурга онъ имѣлъ стычки, въ коихъ онъ не былъ правъ; правда и то, что нѣкоторые изъ моихъ коллеговъ не слишкомъ охотно съ нимъ переписываются и вваливаютъ это дѣло преимущественно на меня; но между нами *не было ни одной размолвки со дня пріѣзда изъ Вильно*; мы въ постоянной частной перепискѣ, и никто не пріѣвжалъ изъ Вильно безъ порученія отъ него меня благодарить за содѣйствіе.—Этого вамъ, конечно, не скажутъ, какъ не скажутъ и того, что значительная часть мѣръ, принятыхъ ге-

¹⁾ Въ запискахъ Муравьева и дневникѣ Милютина гсворится, что онъ до конца 63 г. не сочувствовалъ Муравьеву, но съ этого времени, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, сталъ энергично вмѣстѣ съ братомъ своимъ Н. А. и министромъ Государственныхъ Имуществъ Зеленымъ вести противъ вліянія польскаго въ Петербургѣ и Западномъ краѣ борьбу. („Русская Старина“ 1883 г. № 1).

²⁾ О князѣ Долгоруковѣ Муравьевъ говоритъ, что онъ не имѣлъ положительныхъ убѣжденій, по слабости характера—увлекаемъ былъ космополитизмомъ и дѣйствовалъ въ духѣ польскихъ интересовъ въ направленіи министерства внутреннихъ дѣлъ (т. е. Валуева).

³⁾ О противодѣйствіи Валуева своимъ начинаніямъ Муравьевъ говоритъ нѣсколько разъ, при чемъ въ докладѣ Государю въ мартѣ 1865 г. мотивировалъ невозможность отставаться на посту виленскаго генералъ-губернатора противодѣйствіемъ ему во всемъ Валуева. Объ интересахъ Валуева или точнѣе партій его единомышленниковъ—Рейтерна, Головинна и др., группировавшейся вокругъ великаго князя Константина Николаевича, упоминаетъ академикъ Никитенко въ своихъ запискахъ подъ 7 мая 1863 г. и 26 мая 1865 г.

⁴⁾ Муравьевъ же въ своихъ запискахъ считаетъ Валуева противникомъ всѣхъ своихъ мѣропріятій и въ томъ числѣ и этой мѣры.

нераломъ Муравьевымъ, давно были предложены мною, но отвергнуты моими коллегами. Такимъ образомъ 10⁰/₀ сборъ, впоследствии дифференцированный до 12⁰/₀, былъ, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, предложенъ мною въ печатной запискѣ, внесенной въ Западный комитетъ, но предложенъ въ болѣе правильной формѣ поземельнаго налога. Такимъ же образомъ я былъ и главнымъ защитникомъ этой мѣры, когда она принята была генераломъ Муравьевымъ ¹⁾. Повторяю,—не вѣрьте многому, что говорится, и между прочимъ тому, что рассказывается въ Москвѣ о происходившихъ здѣсь сужденіяхъ по вопросу о земскихъ учрежденіяхъ. Продолжаю слѣдить съ особымъ вниманіемъ за вашими „premiers Moscou“ ²⁾. У насъ всегда былъ и нынѣ очень въ ходу элементъ критики. Онъ есть у васъ, но у васъ есть и синтезисъ. Вы говорите чего желаете, говорите и думаете складно и ладно, хотя порою можно съ вами и не соглашаться. Другіе же только хулятъ и отрицаютъ, а если строятъ тезисы, то въ такихъ формахъ, что за нихъ ухватиться нельзя. Аксаковъ строитъ ³⁾, но эта архитектура не для меня. Отчего иногда вы не развиваете нѣсколько болѣе затрагиваемымъ вами мыслей? Вы разъ коснулись вопроса о возможности удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ желаній инновѣрцевъ, но не договорили. Вы упоминали о раскольникахъ, но не договорили. Конечно, все это щекотливо, но вы мастеръ, а дѣло мастера боится и ему повинуются. Вы мимоходомъ разрѣшили вопросъ о Папскомъ нунціи ⁴⁾, хотя я не вполне увѣренъ, чтобы вы разрѣшили его вѣрно, ибо нунцій есть посланникъ по гражданской, а не по духовной части, напримѣръ во Франціи—(и отступили передъ М. П. Погодинымъ, когда онъ извлекъ изъ своего арсенала слова: „сугубо и трегубо“. Вы весьма правильно и патриотически ведете все дѣло полемики по Польскому вопросу ⁵⁾, но вы не опровергли тѣхъ, весьма, къ сожа-

¹⁾ Въ газетѣ „День“, издававшейся П. С. Аксаковымъ.

²⁾ Общаніемъ завтрашняго дня.

³⁾ Въ газетѣ „День“.

⁴⁾ Статья Каткова о папскомъ нунціи въ № 126 отъ 10 іюня— противъ назначенія посла отъ воинствующей церкви, который будетъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла.

⁵⁾ Въ № 177 отъ 13 августа „Московскихъ Вѣдомостей“ статья Каткова о нежелательности давать Польшѣ политическую автономію, такъ какъ это поведетъ не къ миру, а перемирію съ Польшей, которая не откажется отъ притязаній, направленныхъ къ восстановленію всей старой Польши, въ границахъ до раздѣла. Необходимо разъ навсегда рѣшить отрицательно вопросъ объ отторженіи какой-либо части Западнаго и Юго-

лѣнію многихъ), которые воображаютъ, что можно элиминировать Поляковъ изъ Государства en un tour de main ¹⁾ и потомъ зажить золотою и беззаботною жизнью, командировавъ изъ внутреннихъ губерній г.г. Федотовыхъ, Никаноровыхъ и Паховыхъ, для исправленія должностей Тышкевичей, Потоцкихъ и Радзивилловъ. Все это не такъ легко, какъ многіе думаютъ, въ № 13 августа вы ударили вѣрно, по важной струнѣ, но трогайте ее осторожно. Я два года твержу, изустно и письменно, что польскій и западный вопросы разрѣшимы только въ Москвѣ и Петербургѣ, а не въ Варшавѣ и Вильно. Sapienti sat. Прошу вѣрить моему искреннему почтенію и преданности

Валуевъ.

Сейчасъ получилъ вашъ № 14-го ²⁾ числа и беру назадъ частицу вышесказаннаго.

VIII.

Аптекарскаго острова 23/VIII 1863 г. вечеромъ.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Поздно, возвратясь изъ Царскаго Села, я получилъ ваше письмо отъ 21-го. Въ этомъ письмѣ вы мнѣ платите съ лихвой за мои невинныя сообщенія Московскому цензурному комитету. Понимаю, что, взглянувъ на предметъ съ этой точки

Западнаго края отъ Россіи и привлечь къ себѣ поляковъ, путемъ дальнѣйшихъ реформъ нашей общественной и государственной жизни, въ томъ направленіи, чтобы и поляки могли принять участіе въ общемъ для всей Россіи представительномъ учрежденіи и дарованы были бы, при сохраненіи имъ языка, вѣрованія, особенностей быта—политическія и гражданскія права. Мысль эта излагается довольно отвлеченно, иносказательно, представительный строй не называется прямо, а говорится лишь о раскрытіи силъ русской государственной и общественной жизни. О представительствѣ же Катковъ болѣе опредѣленно и ясно говоритъ въ статьѣ „Что дѣлать съ Польшей?“ въ № 3 „Русскаго Вѣстника“ 1863 г.

¹⁾ Подразумѣваетъ главнымъ образомъ Самарина и И. С. Аксакова.

²⁾ Въ № 178 отъ 14 августа Катковъ возмущается дѣятельностью нашей бюрократіи, либеральничающей во вредъ государству, указывая, что истинный либерализмъ не есть мягкость, что подавленіе мятежа должно быть проведено твердо, безъ послабленія, самое же рѣшеніе польскаго вопроса можетъ быть и либерально; первый вопросъ—дѣло мѣстной, исполнительной власти, а второй—законодательной.

зрѣнія, которую вы избрали, вы могли его видѣть и въ томъ свѣтѣ, въ которомъ вы его изображаете! Но зачѣмъ вы взглянули на него такъ, и зачѣмъ такъ изображаете? Скажите, прочитавъ мои письма, можно ли говорить о двусмысленности или двучіи? Не явно ли, что письма заключаютъ прямое и безформальное сообщеніе моей мысли вамъ, а мои писанія цензурному комитету формальное выраженіе извѣстнаго взгляда для васъ и для другихъ? Развѣ вамъ неизвѣстно, что насъ упрекаютъ, ежедневно, въ несправедливости, въ пристрастіи къ вамъ, въ отклоненіи отъ васъ всякихъ цензурныхъ граней, крѣпко содержимыхъ для другихъ въ указанной цѣлости! Неужели вы думаете, что въ отношеніи къ вамъ я придаю значеніе моимъ официальнымъ сообщеніямъ, черезъ посредствующія лица, тогда какъ эти сообщенія опережены моими прямыми, личными, вполне довѣрчивыми откровенными сообщеніями? Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что я долженъ по временамъ констатировать для другихъ и передъ другими, что я исполняю свою официальную обязанность въ отношеніи къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Если же вы скажете, что я исполняю дурно, то я быть можетъ и въ этомъ соглашусь; но присовокупляю, что я не могу или *еще* не могу исполнять ее хорошо. *A bon entendeur salut* ¹⁾. Искренно сожалѣю о впечатлѣніи, произведенномъ на васъ всѣми этими писаніями, но, работая самъ много и страдая хроническою непрерывною усталостію, я еще болѣе сожалѣю о трудѣ, который вы на себя наложили при передачѣ мнѣ вашихъ впечатлѣній. Мнѣ почти совѣстно видѣть 12 страницъ, написанныхъ вашей рукой собственно для того: чтобы убѣдить меня въ такихъ вещахъ, въ которыхъ большею частью я заранѣе былъ убѣжденъ. Вы отстаиваете неизбежно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, погрѣшимость корреспонденцій. Не спорю, но многіе другіе спорятъ, и нѣтъ правила безъ исключенія и есть *modus in rebus*. По временамъ, для пользы дѣла, необходимо заявлять протесты противъ корреспондентовъ, особливо противъ тѣхъ, кто не подписываетъ своего имени. Вы жалуетесь на объясненіе съ цензоромъ. Но сколько цензоровъ самозванцевъ на меня нападаетъ ежедневно. Развѣ при направленіи цензуры я самъ не подвергаюсь цензурѣ самой равнорѣчивой и безотчетной? Прошу васъ убѣдительно принять это въ расчетъ и не соѣтовать, что поставленный въ извѣстныя условія, я съ ними соображаюсь. Извѣстія, о которыхъ вы пишете, часто выдуманы.

¹⁾ Въ ожиданіи лучшаго склоняются.

Корфъ ничего не пишетъ, и о писаніяхъ славянофильскихъ вождей я ничего не слыхалъ. Жду съ нетерпѣніемъ вашихъ замѣтокъ. Если о чемъ хотите справиться, пишите просто: правда ли то и то, въ полстраницу. Обѣщаю въ той же pagina граста скорые и опредѣлительные отвѣты. Простите нескладность письма. 3-й часъ ночи. У меня уже рябитъ въ глазахъ отъ усталости. Въ другой разъ отзовусь, надѣюсь, поскладнѣе.—
Искренно преданный Валуевъ.

Сообщ. В. Мустафинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

